
ИЗ РАННЕЙ ИСТОРИИ СЛАВЯН

Г.П. МЕЛЬНИКОВ

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ПЕРВЫЕ КНЯЗЬЯ ИЗ РОДА ПРШЕМЫСЛОВЦЕВ В «ЧЕШСКОЙ ХРОНИКЕ» ВАЦЛАВА ГАЕКА: СОЗДАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФИКЦИИ И ЕЕ ЦЕЛИ

Abstract:

Melnikov G.P. *First dukes of the Přemyslid dynasty in the «Annales Bohemorum» by Wenceslaus Hajek: creation of a historical fiction and its purposes*

The *Annales Bohemorum* (Czech chronicle) by *Wenceslaus Hajek* (published in 1541) contains a mythical story about the first Czech princes of the Přemyslid dynasty; the story was mainly composed by the author of the chronicle. The purpose of this historiographic fiction is to raise the prestige of the Czech Duchy at the early, pagan, stage of its existence using a description of the «good deeds» of the princes. One of its main purposes was to integrate the pagan period into the historical retrospective of the Czech statehood as a phase in which the basic institutions of the government and the laws of the country were formed. Thus, thanks to historical fiction the chronicler established a concept of state continuity of the Czech Principality and the value of the pagan age as well. This concept was supposed to contribute to the strengthening of the Czech identity and patriotism at the beginning of the reign of the Habsburgs.

Ключевые слова: Чехия, хронистика, Вацлав Гаек, Пршемысловцы, язычество, государственность, княжеская власть, благо страны, фиктивные сведения.

«Чешская хроника» Вацлава Гаека из Либочан, написанная на чешском языке и изданная в Праге в 1541 г., является очень своеобразным памятником чешской хронистики. Автор, католический священник, исходя из патриотической концепции чешской истории, добавил к сведениям, взятым им из предшествующих сочинений чешских хронистов, много собственных выдумок. Это делает его произведение предшественником жанра исторического романа. Хроника Гаека стала в раннее Новое время самым популярным чешским историческим сочинением, формировавшим чешское историческое сознание в эпоху утраты Чехией государственной самостоятельности. Лишь критический анализ хроники, предпринятый

в эпоху Просвещения Геллазиусом Добнером (1760-е годы), выявил ее недостоверность как исторического источника. Однако влияние «Чешской хроники» Гаека, включая вымышленные им сюжеты и события, на последующую чешскую культуру было очень значительным¹. В 2013 г. вышло первое полное научно-критическое издание очень большой по объему Хроники Гаека, осуществленное чешским филологом Яном Линкой, однако без исторического анализа достоверности ее информации². К числу главных вымыслов хрониста относится подробное повествование о правлении первых чешских князей из рода Пршемысловцев, занимающих место между легендарным основателем династии Пршемысл-пахарем и первым исторически известным князем Борживоем. Этот текст Гаека и будет предметом нашего анализа.

Необходимо отметить, что у Гаека здесь были предшественники. У первого чешского хрониста Козьмы Пражского в его «Чешской хронике» (начало XII в.) содержится краткий перечень князей от Пршемысла до Борживоя. При этом хронист отмечает, что «о жизни и смерти этих князей ничего не известно, кроме того, что были они преданы обжорству и сну, были необразованны, ничему не учились, были подобны животным, так что, и это противоестественно, тело было им для удовольствий, душа же их отягощала; подробно мы о них не знаем, потому что в то время не было того, кто бы пером сохранил память об их делах»³. Тем самым Козьма четко выразил свою позицию: источников не существует, но моральный облик князей подлежит осуждению, так как речь идет о правителях эпохи язычества, когда заботе о душе не придавалось значения. Следующую главу X он начинает с сообщения о том, что князь Гостивит родил Борживоя — первого чешского князя, принявшего христианство. Однако тут же Козьма хронологически возвращается назад, чтобы привести обширный рассказ о битве на Турском поле — междоусобном сражении, состоявшемся при князе Неклане, против которого выступил князь лучан Властислав. Этот рассказ занимает главы X–XII. Согласно оригинальной гипотезе чешского ученого Вацлава Карбусицкого, этот текст Козьмы является переработкой более старой эпической песни⁴. Сам Козьма отмечает, что знает о битве из «предания»⁵. Очевидно, отсюда же он взял характеристику князя Неклана как трусливого человека⁶, вошедшую в последующие чешские хроники. В главе XIII Козьма приводит рассказ о некоем Дуринке, которому Неклан дал на воспитание сына погибшего князя лучан Властислава, но тот убил ребенка, чтобы выслужиться перед Некланом, но просчитался и был казнен. Этот рассказ с некоторыми модификациями также фигурирует в последующих чешских хрониках.

В плане отношения Козьмы к достоверности своих источников по языческой эпохе чешской истории характерно его заявление в конце гла-

вы XIII: «Поскольку все эти дела произошли в стародавние времена, оставим читателю судить, действительно ли они были, или же их выдумали». Теперь же он начинает рассказ о достопамятных делах, подтвержденных надежными историческими источниками⁷. Поэтому следующую главу, начинающуюся с крещения Борживоя, он снабжает точной датой — 894 г. Это первая датировка событий в его хронике⁸.

Несколько больше сведений о данном периоде содержится в Хронике так называемого Далимила (окончена в 1314 г.), написанной на чешском языке в стихотворной форме⁹. Как полагают комментаторы, эта информация является плодом творчества самого автора или же в значительной мере взята из устной традиции, т.е. из исторического предания, за исключением рассказа о битве на Турском поле, который автор заимствовал у Козьмы Пражского, несколько изменив в соответствии со своей патриотической концепцией¹⁰. Сведения по истории князей, правивших между Пршемыслом и Борживоем, содержатся в главах 16–22.

Вначале Далимил просто перечисляет князей, как и Козьма Пражский. При этом он констатирует, также в согласии с Козьмой, что от Незамысла до Кршезомысла никто «не оставил по себе доброго имени», осуждает нравы князей и говорит об отсутствии письменных сведений о них: «Так как были плохи их нравы, о них в книгах ничего не содержится»¹¹. Он выделяет лишь одного Неклана, явно в связи с тем, что дает рассказ о битве на Турском поле и ее последствиях. Неклана хронист характеризует как мудрого, но трусливого человека¹². Рассказ о битве он дополняет эпизодами, связанными с вещими предсказаниями чародеек, и другими деталями, большинство из которых впоследствии заимствовал Гаек. Также Далимил говорит о правлении сына Неклана Гостивита. Против него восстал потомок луцкого князя Властислава Лева, которому удалось нанести поражение пражанам. Как именно, об этом Далимил рассказывает байку, окрашенную черным юмором¹³, которую, однако, Гаек не приводит. У Далимила многие эпизоды, имеющие характер байки, должны объяснять топонимию, связывающую названия крепостей и других локусов с «историческими» событиями. В этом плане Гаек стал продолжателем этой тенденции.

Гаек берет у Козьмы и Далимила генеалогию князей Пршемысловцев языческих времен и рассказ о правлении Неклана и Гостивита, главным содержанием которого была война с князьями Луцка. Остальное историческое содержание этого периода правления мифических князей он явно сочинил сам. Поэтому нам важно выяснить характер, направленность и цели этой беллетризации истории. Одной из них, что отмечалось всеми исследователями, было объяснение топонимов, связанных с освоением территории, так как это доказывало древность данного процесса и его

континуитет. В отличие от своих предшественников Гаек дает точные датировки всех мифических событий, что имеет целью подчеркнуть их историческую достоверность и хронологически систематизировать историю Чехии, на полных правах включив языческий период в историческое развитие страны. Наполнение этого периода значимыми событиями должно было подчеркнуть активность чехов начиная с древности, повысить статус языческих времен в исторической ретроспективе. Гаек, собственно говоря, заполняет лакуну между основателем династии и первым князем-христианином, которая «черным пятном» обозначала языческий период в старых чешских хрониках. При этом он насыщает этот период событиями и феноменами, имеющими принципиально важное значение для последующей чешской истории, тем самым углубляя в прошлое многие специфические черты чешского общества, сформировавшиеся позднее, что способствует их легитимации и акцентирует древность традиций.

Рассмотрим последовательно повествование Гаека. Пршемыслупахарю, основателю династии, наследовал его сын Незамысл, начало правления которого Гаек помещает под 745 годом¹⁴. Гипотеза известного чешского историка Душана Тршештика о том, что Незамысл был братом-близнецом Пршемысла¹⁵, не имеет никаких оснований в источниках. Конечно, Д.Тршештик прав, считая, что имя Незамысл (недалекий разумом) является противоположностью имени Пршемысл (премудрый)¹⁶. Однако Гаек не обращает внимания на семантику имени. У него Незамысл представлен как разумный правитель, склонный к миру, но отстаивающий свои интересы военным путем, когда это необходимо. В 748 г. возник территориальный спор между Незамыслом и коуржимским князем Розгоном, закончившийся поражением последнего, которому Незамысл отрезал нос и собственноручно принес его в Коуржим (81). Таким образом, уже с самого начала повествования о мифических князьях Гаек утверждает идею о пагубности межплеменных и межкняжеских войн, о детерминированности поражения в войне с Пршемысловцами и о позорном наказании сопротивляющегося.

Незамысл представлен как мудрый правитель, заботящийся о благе государства: «Князь Незамысл начал княжеством своим очень мудро править и со всех сторон его расширять» (84). В этой фразе обращает на себя внимание акцент на расширении границ государства. Она явно исходит из принятой в средневековой Чехии формулировки в титулатуре монарха и в обращении к нему: «расширитель государства». Князь правит при участии и при поддержке народа («все»). По вопросам экономического и правового развития страны Незамысл собирает вече («всех») на Вышеграде. Оно решило, что он как князь всей страны разделяет ее на части и дает «каждому из владык, особенно сильнейшим, у которых больше

всего челяди», определенную часть земли, чтобы они корчевали лес и образовавшиеся поля засеивали зерновыми культурами, а затем платили налог князю с каждой части земли, границы которой измерены шагами, и исполняли другие службы. Князь приказал записать это решение на «дубовые доски» (84).

В этом сообщении есть несколько важных моментов. Во-первых, уже сформировался слой «владык», причем имущественно дифференцированный. Во-вторых, начинается процесс внутренней сельской колонизации на чешском праве — процесс, хорошо известный в более позднее время. В-третьих, землевладельцы связываются с князем налоговыми и служебными обязательствами. При этом князь выступает как законодатель, продолжающий дело основателя династии Пршемысла. Отметим также анахронизм с «досками». Гаек явно имеет в виду современную ему реалию — так называемые земские доски. Это собрание государственных и иного рода документов, имеющих юридический характер, в частности, туда входят записи, фиксирующие земельные владения. Книги таких документов переплетались для прочности в деревянные доски. Таким образом, хронист значительно удлинняет существование этого важнейшего рода документов, возводя его возникновение к VIII в. До этого сообщалось, что первым законодателем был сам Пршемысл (56). Хронист, собственно, обходит молчанием вопрос о существовании письменности у чехов в это время. Позднее он будет говорить о первой письменности у них, принесенной кирилло-мефодиевской миссией, причем о письменности латинской (170), что явно противоречило исторической действительности, но было необходимо католическому автору, чтобы связать начало чешского христианства с латинством. Какой письменностью были зафиксированы первые чешские законы, остается непонятным.

Значительная роль знати проявляется в выборе жены князя. В Хронике Гаека многократно повторяется ситуация, когда именно знатные люди находят ему невесту (84, 93, 113, 124–125, 138, 153). Гаек всегда указывает имя девушки и ее отца, а также деревню («весь»), откуда они родом. Скорее всего, отец невесты является владельцем этой деревни, поэтому невеста происходит из слоя средних владык. Иногда это может быть не очень знатный, но богатый человек. Так, отец невесты будущего князя Мнаты, владевший всего лишь «двором», дал в приданое «много золота и серебра, 100 коров и 100 волов и стадо овец» (98). Женитьбу знатные люди обосновывают необходимостью легитимной передачи власти наследнику («чтобы не пресекался род», 98). Также «с разрешения старейшин» Незамысл женит своего сына Мнату (98). Следует отметить, что все жёны князей характеризуются как красавицы, что, очевидно, должно было способствовать положительному имиджу княжеской семьи.

Незамысл заботится об экономическом благе страны и своего рода. Когда племя лучан помешало добыче соли, он стал защищать солеварни (83). Чтобы обогатить своего сына Мнату, Незамысл приказал искать залежи золота и серебра и чеканить новую монету с именем или изображением Мнаты (84). Эта инициатива повторяла то, что уже существовало при Пршемысле (59). Следовательно, начало серебряных разработок и чеканки монеты, чем Чехия прославилась в XIII–XIV вв., Гаек относит к древнейшим временам.

Пожалуй, самым перспективным деянием Незамысла стало основание Праги, предпринятое им с согласия «всего народа» (87). Из последующего контекста становится ясно, что имеется в виду Пражский Град, тем самым основание столицы Чешского государства относится к 759 г., что на столетие удлиняет ее историю. Ее и крепость Вышеград князь укрепил каменными стенами (87, 91).

Гаек акцентирует легитимность наследственной власти Пршемысловцев сообщением о Княжеской могиле под Вышеградом, где Незамысл «был погребен... недалеко от своего отца» (100). Таким образом формируется родовая усыпальница Пршемысловцев. Говоря о том, как народ оплакивал Незамысла, хронист особо подчеркивает, что при нем был покой в стране, которую он значительно укрепил, велел выкорчевывать леса и основывать деревни (101), т.е. на первое место выдвигаются мир и внутренняя колонизация.

Далее следует сообщение о переходе власти к Мнате. С одной стороны, он легитимный наследник, с другой, эту легитимность должны подтвердить выборы князя. Поэтому по приказу «владык, вельмож, земанов (мелких землевладельцев. — Г. М.) и старейшин» собралось «всё множество народа», которое единогласно избрало Мнату (101). Таким образом, мы видим сочетание двух различных принципов — примогенитур и выборности князя вечем. Эта особенность передачи верховной власти станет характерной чертой чешского раннего Средневековья, которая акцентируется у хронистов XII–XIV вв.¹⁷ Гаек опять же переносит в глубь веков начало этой традиции.

Князь Мната характеризуется как последователь дел своего отца, как «господин справедливый, любящий спокойствие». На одиннадцатый день после выборов жена родила ему «красивого сына», которого назвали Воен (101). Последнее обстоятельство в глазах средневекового человека было далеко не маловажным.

Знать поддерживает князя при подавлении мятежа управителя Вышеграда Кршесомила, попытавшегося свергнуть Мнату (103). Мната также пользуется поддержкой в ведении войн с мораванами и немцами, нападавшими на чехов (103, 113).

При этом князе активно идет строительство Праги. Под Пражским Градом заложен малый город — будущая Мала Страна (105). Интерес представляет мотивация основания Старого Города Пражского. Мната собрал «всех жителей своего княжества», т.е. вече для принятия этого решения, обосновывая его тем, что народ должен быть сконцентрирован в одном месте, а не разбросан по полям и лесам. Решили построить город и укрепить его стенами (107). Здесь Гаек обрисовывает структуру пражской агломерации, как она сложилась к середине XIV в.: Пражский Град с Градчанами, Мала Страна и Старый Город Пражский на другом берегу Влтавы. Важный аспект создания столицы — согласие «всего народа». Поэтому она становится не только резиденцией верховной власти, но и средоточием населения, центром Чешской земли и, в переносном значении, общества. Также важно, что население Праги составляют этнически чешские жители, вчерашние крестьяне, собранные в город. Это положение Гаека скрыто противостоит распространенному мнению об основании Старого Города немецкими колонистами, подчеркивая общую патриотическую концепцию хрониста. Также важно отметить, что Мната устанавливает на Малой Стране должность рихтаржа — представителя княжеской, затем королевской власти в городе (105). Гаек и в этом случае хронологически отодвигает вглубь позднейшую институцию власти.

Мната также провел судебную реформу. На Свинском холме (будущий Петржин), где еще основательница династии княгиня Либуше, пророчествовавшая о будущем основании Праги и ее величии, построила высокий деревянный дом, он приказал воздвигнуть большой каменный дом, где учредил две судебные палаты: женскую во главе с княгиней Стржезиславой и мужскую, которую возглавил сам. Вельможи восприняли это неоднозначно, многие были против, говоря, что их предки тяжело сносили суды Либуше и буйство «девичьей войны», сами же они опасаются возврата к женскому правлению. Другая часть знати поддержала реформу, считая положенный в ее основу гендерный принцип справедливым. Хронист констатирует, что так и осталось (103). Смысл этого рассказа представляется весьма темным. Во-первых, далее нигде не говорится о функционировании этого двухпалатного суда. Существует лишь суд князя, намного позднее возникают сословные суды. Нет никаких следов специального женского суда. Во-вторых, непонятно, зачем Гаеку понадобились исторические реминисценции, отсылка к правлению Либуше до брака с Пршемыслом и к восстанию ее женской свиты после ее смерти против мужской части чехов, поддерживавших Пршемысла (так называемая девичья война, чешские амазонки, сказание о которых фигурирует у Козьмы Пражского и придает особую пикантность ранней чешской мифической истории). Во всяком случае, утверждение гендер-

ного юридическо-процессуального равноправия выглядит неуместным и лишенным конкретного смысла.

Говоря о смерти Мнаты, последовавшей «от мора» в 804 г., Гаек выделяет его достоинства, ставшие уже традиционными при итоговой оценке деятельности правителя. Он был «муж очень справедливый и стремящийся к спокойствию»; похоронили его в родовой Княжеской могиле (113).

При передаче власти сыну Мнаты Воену произошел конфликт. Так как в то время Воен лежал при смерти, будучи поражен мором, вельможи избрали временного правителя. Здесь характерно сохранение легитимности: пока наследник жив, нельзя избирать другого князя. Править стал Роговиц из рода Вршовцев, соперничавших с Пршемысловцами. Почему вельможи выбрали именно его, не объясняется. Остается лишь предполагать, что это место занял самый знатный и богатый вельможа, который мог бы стать основателем новой династии в случае смерти молодого Воена, не имевшего сыновей. Роговиц начал править тиранически. Главная его ошибка состояла в том, что он стал отбирать владения знати. Поэтому вельможи, взяв выздоровевшего Воена, пошли на Вышеград, но Роговиц потребовал, чтобы на выборах князя он шел первым номером перед наследником Мнаты. Однако вельможи захватили Вышеград, Роговиц бежал, а чешская знать признала законным князем Воена без процедуры выборов и дала ему в жены красавицу Баньку, дочь Красоня из деревни Зволице (113). Таким образом, династия Пршемысловцев укрепилась благодаря поддержке большинства знати.

В 806 г. у княжеской четы родился сын. Гаек особо останавливается на его именах. Ребенка официально назвали Кршезомир, что означало «острая мысль» или «острый ум». Родственники матери стали звать его Внислав, что означало «в нас слава» или «наша слава» (114). Из этого следует, что он был призван прославить прежде всего род своей матери, но почему, остается непонятным. Гаек также придает значение семантике имени второго сына княжеской пары — Вратислава, объясняя, что оно означает «чтобы к нам вернулась слава» (114). Очевидно, утеря славы связывалась с трудностями вступления на престол Воена, обусловленными соперничеством рода Вршовцев.

Это соперничество имело продолжение, закончившееся победой Пршемысловца. В 812 г. Воен созвал «сейм» (именно этот гораздо более поздний термин здесь употребляет Гаек), очевидно, чтобы еще раз получить поддержку знати. Роговиц на него не явился, более того, казнил посла, направленного к нему. Поэтому войско пражского князя отправилось воевать с ним. В результате Роговиц был взят в плен (116–117). Зная дальнейшее сопротивление Вршовцев власти Пршемысловцев, от-

носящееся уже к реальной, а не мифологической истории, мы можем с уверенностью предположить, что Гаек специально отодвинул конфликт между двумя родами в глубокую древность, чтобы обосновать его длительность и выставить Вршовцев в самом отрицательном виде с самого начала этого противостояния.

С ним хронист связывает особый пророческий дар Баньки. Ей был вещий сон: Роговица надо повесить, чтобы его род не претендовал на Пражское княжество. Действительно, по решению совета знати Роговиц сам повесился, публично, на дубе, так что злые духи в лесу смеялись, поэтому то место называется Смихов (117). Кроме традиционного для Гаека объяснения топонима, обращает на себя внимание сам вердикт. Виновный сам должен себя казнить, снимая тем самым с суда и князя возможное обвинение в насилии. Этим актом он признавал свою вину, поэтому его смерть не требовала отмщения со стороны родственников. Представляется, что именно так можно объяснить этот нетрадиционный способ казни, хотя его смысл Гаек не раскрывает.

Воен продолжает расширять, застраивать и укреплять Прагу. С этим связано пророчество «идола Кигаль», переданное через ту же княгиню Баньку и адресованное Воену. Текст достоин того, чтобы процитировать его полностью: «Народ твой и люди этого языка не будут уничтожены, однако же чужие народы часто будут покушаться, желая погубить князя и народ». Поэтому надо расширить тот город, о котором говорила «моя родственница (předkině) Либуше» и который основан «в центре родины», ибо в будущем люди со всех краёв будут иметь в нем прибежище (120). Здесь важны несколько моментов. Чехи сохраняют своё существование, хотя на них будут нападать другие народы. Поэтому трудности военных испытаний в принципе не меняют оптимистическую историческую перспективу. Укрепленная Прага станет центром всей страны. Очень важно употребление термина «родина» (vlast), до XVI в. очень редко встречающегося в чешских текстах. Также интересно то, что княгиня Банька, не будучи по крови членом рода Пршемысловцев и тем более потомков праотца Чеха по женской линии, называет пророчицу Либуше «má předkině». Получается, что жёны князей, переходя в род мужа, считают своими предками его предков. Также пророческий дар некоторые из них (Банька, позднее Либушка, жена Кршезомысла) как бы наследуют от Либуше. В итоге одними из центральных доминант исторического сознания чехов становятся Либуше и Прага.

Явно прослеживается укрепление значения княгини Баньки: сына зовут домашним именем Внислав, она сама предстает как вторая Либуше, ее брат командует войском пражан, победивших немецкое войско в битве у Жатца (122–123). Если мы вспомним о создании князем Мнатой двух

судебных палат — мужской и женской, то «гендерная тенденция» Гаека станет более очевидной, хотя смысл ее остается непонятным.

Далее Гаек говорит о рождении у старшего сына Воена Кршезомысла сына Неклана, а у второго сына Воена Вратислава сына Властислава, семантике имени которого он придает большое значение. Хронист так объясняет его: «он будет славой всей этой страны или родины», «он прославит свою родину» (125). Здесь вновь термин «родина» употребляется для обозначения территории и государства.

Сообщая о смерти Воена, Гаек подчеркивает его достоинства. На первое место он ставит заботу князя о городе Праге («он очень возлюбил город Прагу»). Затем указывает, что Воен «был муж добродетельный, хотя и язычник, был очень справедлив» (125). Тем самым Гаек вновь противопоставляет свою характеристику мнению предшествующих хронистов, согласно которому среди чешских языческих князей не было достойных людей. Также в заслугу Воену ставится то, что он оставил после себя двух сыновей и двух внуков, что было важно для продолжения правящего рода. Ранее в хронике этот мотив фигурировал в сообщениях о выборах невесты князя, когда делавшая этот выбор знать подчеркивала необходимость женитьбы для того, чтобы род не пресекался и сохранился на многие века (83, 124). Гаек в очередной раз подчеркивает легитимность династии и традицию почитания предшествующих князей как предков, говоря, что Воена похоронили в Княжеской могиле под Вышеградом «подле отца его» (126–127).

Поскольку у Воена был не один наследник, а двое сыновей, впервые возникает проблема разделения власти между Пршемысловцами. Этот вопрос решается на сейме в условиях угрозы немецкого вторжения. Возникают споры о том, кто из сыновей Воена способен лучше защитить страну. Аргументы следующие: Кршезомысл хотя малого роста, но острым умом и перворожденный, Вратислав же очень хорош собой (127). Таким образом, важность имеют факторы различного рода: внешний облик, способности и принцип примогенитуры. Сейм решил, что Кршезомысл будет владеть Прагой и землями на восток от нее, а Вратислав — Жатецким краем, называемым также Луцко, и западными землями, где чехи живут вместе с немцами, а также Сербской Лужицей. Князья удовлетворились этим решением сейма, оглашенным на собрании всего народа, который характеризуется как «люди простой и пашущий» (127). Тем самым решение об определенном разделении властных полномочий получает высшую легитимацию «демократического» общества — поддержку простого народа. Говоря о совместном проживании чехов и немцев на западе Чехии, Гаек явно переносит позднейшие реалии в древность, чтобы, как всегда у него, показать традиционность («старобылость») феноменов.

Важное значение в Хронике имеет эпизод коронации князя Кршезомысла. Избранные представители народа пришли к «пречистому источнику» под названием Езерка недалеко от Вышеграда. Они принесли с собой обитый золотом трон (*stolice*) Либуше и поставили у источника. По приказу владык Кршезомысл сел на этот трон. Владыки вынули из шкатулки шапку Пршемысла, и два знатнейших мужа возложили ее на голову князя. Весь присутствовавший народ кричал от радости «Кршезомысл — наш господин! И он будет нас благословлять!». Все поклонились князю, который в шапке пошел на Вышеград (127). В этом рассказе сосредоточены идеологемы, концентрирующие в себе понимание характера верховной власти у чехов в раннесредневековый период, как это представляли себе историки раннего Нового времени. В основе лежит описание старинного обряда «сажания на престол», известного у многих славянских этносов¹⁸. Вымышленная коронация у Гаека, явно знавшего об этом обряде из письменных источников, имеет несколько интересных аспектов. Обряд проходит недалеко от главной крепости Пршемысловцев Вышеграда. Оказывается, что потомки сохранили две важнейшие реликвии, символизирующие верховную власть, — трон Либуше и шапку Пршемысла, т.е. княжеское место и корону, что легитимирует трансляцию власти. Возникает вопрос, почему Гаек дает описание этого обряда только под 833 годом, говоря о Кршезомысле, а не ранее, когда он описывал вокняжение его предшественников. Скорее всего потому, что именно теперь произошло разделение власти между братьями, поэтому очень важно подчеркнуть приоритет старшего брата, ставшего пражским князем и тем самым преемником основателей династии. Символикой вокняжения маркируется основная линия генеалогического древа правящего рода. Для определения взаимоотношений князя и общества очень характерно утверждение об избрании князя знатью при одобрении всего народа, но с последующим подчинением всего общества власти князя.

Князем лучан становится Вратислав, вокняжение которого тоже сопровождается обрядом: лучане сажают его на трон (*stolice*) (128). Когда он умер, его похоронили не в родовой гробнице под Вышеградом, а в другом месте — «над Либочанами на Гробке» (136), что означало реальное отчленение боковой ветви династии и отсутствие претензий у ее представителей на центральную власть.

Кршезомысл обрисован Гаеком как правитель мудрый, осторожный, «любящий свой чешский народ». Он устанавливает судебный орган в Праге (четыре судьи), продолжает застройку города, организует лодочную переправу через Влтаву, чтобы облегчить горожанам доступ на Пражский Град и Малую Страну (130). Важнейшая юридическая новация князя заключается в установлении наследственного владения жителей Праги

домами и угождями. Гаек прямо называет это «первой свободой пражан». Этот закон как очень важный также был записан на дубовые доски и хранился на Вышеграде, чтобы последующие князья не претендовали на домовладения пражан (135). Так начинается чешское городское право — в дальнейшем важный элемент государственного устройства. Здесь важно отметить, что Гаек сознательно относит его появление к древним временам, периоду до начала немецкой городской колонизации и связанного с ней предоставления прав пришедшим немецким колонистам. Так автор утверждает изначальность и приоритет чешского городского права. Также подчеркивается богатство князя, имевшего много серебра и золота (131).

Под 844 годом хронист приводит сюжет, вновь связанный с проблемой сохранения рода и его власти и с пророческим даром княгини. Кршезомysl построил для своих сыновей крепость Радостин, поручив их воспитание и командование крепостью своему министериалу («служебнику») по имени Светло. Однако мать княжичей Либушка просила мужа оставить детей при ней на Вышеграде, но он не удовлетворил ее просьбу. Тогда она рассказала ему свой удивительный сон, предупреждавший о том, что если они останутся в Радостине еще на год, то род Пршемысловцев позорно исчезнет. Князь внял предупреждению и вернул сыновей. Действительно, вскоре богатый и сильный человек по имени Блобой от зависти сжег Радостин. По этому случаю Гаек считает его первым поджигателем в Чехии (132). Поджигательство в последующей истории страны встречается не так редко, очевидно поэтому Гаек удлинняет существование и этого негативного явления. Однако более серьезную угрозу представлял заговор представителя рода Вршовцев Жанды, хотевшего убить князя и наследника, чтобы самому сесть на пражский стол, однако это ему не удалось (135–136).

После смерти Вратислава происходит укрепление боковой ветви Пршемысловцев, правящей лучанами, что находит выражение в обряде интронизации сына Вратислава Властислава. Лучане сажают его на отчий стол, одев ему на голову шапку, которую имел обычай носить его отец (137). Это уже, конечно, не шапка Пршемысла, как в случае коронации Кршезомысла, но сам обряд коронации шапкой отца закладывает основы легитимной передачи власти в младшей генеалогической линии лучанских Пршемысловцев.

После этого происходит первый конфликт внутри династии Пршемысловцев, который хронист датирует 851 годом. Он сообщает о том, что «король Моравский» пошел на Чехию, Кршезомysl попросил помощи у своего племянника Властислава, только что ставшего князем лучан, но тот отказал, сказав, что нападет с запада, так как сам хочет править

Пражским и Коуржимским княжествами. Тем самым, как может судить читатель, он нарушил смысл обряда своей недавней интронизации. Но поход мораван не состоялся, так как на них напали венгры, поэтому пражское войско разошлось. Кршезомысл же разболелся из-за предательства племянника и умер (137–138).

Князем избрали его сына Неклана, причем при его интронизации повторили обряд коронации его отца, посадив «на столице Либушиной» и одев шапку Пршемысла (138), очевидно, чтобы подчеркнуть легитимность центральной власти Неклана в условиях существования побочной ветви рода. Однако Властислав продолжал мечтать о власти над всей Чехией. С этого места Гаек пересказывает информацию Далимила о луцкой войне, о битве на Турском поле и событиях, с этим связанных, добавляя сочиненные им самим детали. Князя Неклана Гаек характеризует весьма уклончиво. Прямо о трусости князя не говорится, но нет и той положительной характеристики, которую дал ему Далимил.

Одно из основных и самых интересных дополнений, сделанных Гаеком, относится к постройке особой башни на Вышеграде. Он приказал построить высокую и широкую башню и изобразить на ней «свой род, начиная от Пршемысла», то есть украсить фреской историко-генеалогического содержания. Башня простояла долгое время и называлась Некланка (144). Ясно, что этот артефакт был создан для своеобразной наглядной агитации — прямо показать всем генеалогическую легитимность своей верховной власти, доказывая свою правоту в войне с Властиславом. Говоря об изображении в технике стенной росписи фигур князей Пршемысловцев («*malování svého rodu*», как пишет Гаек), хронист, как представляется, имел в виду конкретный образец — так называемое Родословие Люксембургов, изображенное на стене одного из залов замка Карлштейн, возведенного Карлом IV в середине XIV в. как императорская и королевская резиденция¹⁹. Сам Гаек, будучи каноником, одно время служил на Карлштейне²⁰, поэтому не мог не видеть эти росписи, утраченные к концу XVI в., и явно осознавал их значение в легитимации и пропаганде верховной власти. Также он мог видеть росписи ротонды Девы Марии и св. Екатерины в Зноймо (начало XII в.), где изображения в рост 18 чешских князей, начиная с Борживоя как первого исторического чешского князя-христианина, занимают целый ярус; также в другом ярусе изображена сцена призвания Пршемысла-пахаря²¹. Гаек решил отнести начало традиции такого рода пропаганды власти средствами искусства к древним временам, связав ее с одним из ранних (легендарных) представителей рода Пршемысловцев.

После поражения Властислава в битве на Турском поле, его гибели и убийстве его сына, луцкая ветвь Пршемысловцев вымирает, что дает

возможность Неклану сосредоточить власть в своих руках, что подтвердил сейм на горе Видовле (151).

После смерти Неклана ему наследует старший сын Гостивит, интронизируемый по вышеописанному обряду (153). Затем возникает конфликт между братьями Гостивитом и Мстибоем, который в Хронике Далимила имеет немецкое имя Депольт (глава XXII). У Далимила далее следует рассказ о войне Гостивита с потомком Властислава по имени Лева. Гаек заменяет этот рассказ на другой — о вражде сыновей Неклана. На свадьбу Гостивита пригласили Мстибоя, не получившего никакого удела. Он не приехал, так как был обижен и претендовал на Пражское (совершенно непонятно, почему) и Луцкое княжества (очевидно, помня прецедент передачи Луцка младшему сыну пражского князя). Его стремления не осуществились, поэтому он возненавидел старшего брата и возмечтал захватить его княжество (153–154). Небольшое сражение между отрядами братьев принесло ничейный результат. Чтобы разрядить ситуацию, Гостивит после смерти коуржимского князя, не оставившего наследников, отдал его княжество Злицко Мстибою. Это произошло благодаря совету вельмож, что подчеркивает их значение в управлении государством. Был заключен договор, в соответствии с которым после смерти Гостивита ему наследуют не его сыновья, а Мстибой; если же раньше умрет Мстибой, то его дети будут править Злицком, а сын Гостивита Борживой — Прагой. Договор был записан в памятные книги (155). Здесь мы вновь видим сознательный анахронизм автора, относящийся к возникновению государственной документации. Сам договор примечателен тем, что устанавливает новый порядок передачи власти в роде: не примогенитуру, как раньше, а верховную власть старшего в роде, что в последующие века действительно имело место.

Однако данный договор не прекратил соперничества. Мстибой встал на сторону восставшего против Гостивита князя Сукослава Билинского, который был разбит и казнен. Мстибой вынужден был покориться брату, и получил прощение. Был заключен новый договор о разделе княжеств, для действенного соблюдения которого между владениями князей вырыли ров, перекинув через него мосты. После этого братья друг с другом не воевали (160–161).

Склонить Мстибоя на новую войну с братом не смогли даже Вршовцы, вновь попытавшиеся свергнуть пражского князя «и свой род на место него в княжестве поставить». Тогда они склонили Мстибоя расширить свое княжество за счет Моравии. Началась война со Святоплуком Моравским, не поддержанная Гостивитом, в которой одержал победу Мстибой, но он скоропостижно скончался, что не позволило закрепить результаты войны. Вскоре умирает и Гостивит, о торжественном погребении которого

в родовой гробнице сообщает Гаек. Князем избрали его сына Борживоя, исполнив традиционный обряд (163–164). Так завершается повествование Гаека о чешских князьях-язычниках.

Подведем итоги. Еще раз подчеркнем, что приводимый Гаеком фактический материал является вымышленным, причем лишь несколько вымышленных эпизодов взято из предшествующей хронистики. В основном мы имеем дело с беллетристическим творчеством самого Гаека. Оно показывает высокий уровень его таланта как литератора, предшественника жанра исторического романа. Мы специально анализировали текст Гаека по методике, прилагаемой к исследованию исторических текстов Средневековья и раннего Нового времени, повествующих о реальных событиях. Для читателей его Хроники это были действительные события. Такой подход исследователя позволяет выявить те идеологемы, которыми автор насыщал чешское прошлое, выстраивая свою концепцию истории родной страны.

В отличие от негативных суждений своих предшественников, Гаек оценивает период правления мифических чешских князей эпохи язычества (от Пршемысла до Борживоя), их деятельность в целом весьма высоко. Он приводит целый ряд их славных деяний, способствовавших укреплению центральной власти пражского князя и процветанию страны. Это — защита государства от внешних врагов, вооруженная борьба с другими чешскими князьями и вельможами, стремившимися свергнуть династию Пршемысловцев и претендовавших на верховную власть в Чехии. Это — основание Праги как столицы всего государства, ее строительство, укрепление и благоустройство. Это — издание новых законов, в том числе закреплявших за жителями Праги их права собственности на дома и земли. Это — законы, означавшие начало внутренней сельской колонизации на чешском праве. Это — меры, способствовавшие развитию добычи серебра, золота и железа, что стало основой экономического благосостояния страны и чеканки полноценной монеты.

Важны принципы государственной организации, возникшие, по Гаеку, в это время и хорошо известные по реальной истории чешского раннего Средневековья. Это значительная роль знати, вельмож, выступающих от имени «всех людей» (веча) и реально влияющих на политику князя. Возникает особый тип государственности: «демократическая» основа (вече), властные полномочия знати, верховная власть пражского князя при сохранении отдельных княжеств, признающих его верховенство. Это не «удельные княжества», так как пражский князь ими не наделяет, это скорее всего трансформированные племенные княжества (Луцко, Коуржимско, Лужица). Выборы князя после смерти предыдущего правителя проводятся «всеми» (вечем) при сохранении принципа примогенитуры. Избирается только представитель рода Пршемысловцев, что обеспечи-

вает преэминентность власти. Отсюда следует повышенное внимание к генеалогии как легитимации права наследования престола. Роль знати подчеркивается тем обстоятельством, что она выбирает невесту князю из богатых семейств владельцев деревень и дворов. Эти девушки — этнические чешки, красавицы, причем не принадлежащие к знатным родам, что нейтрализует влияние их родственников на политику князя и знати. Сами они, во всяком случае некоторые, могут обладать пророческим даром, как Либуше, и в определенной мере влиять на князя.

Генеалогическая легитимация происходит через историческую память. Все помнят о происхождении Пршемысловцев от почитаемых обществом Пршемысла-пахаря и Либуше. Это акцентирует обряд интронизации, когда избранного «всеми» князя вельможи сажают на трон (стол) Либуше, надевают ему шапку Пршемысла как корону, затем все обещают князю верность и подчинение и криком радости как бы утверждают его избрание. Выражением генеалогической легитимности, своеобразной пропагандой власти через изобразительное искусство становится башня Некланка с «родовой портретной галереей» всех чешских князей начиная с Пршемысла. Этой же цели содействует создание родовой гробницы Пршемысловцев на Вышеграде, центре их власти, в которой погребают только пражских князей из этого рода.

Складываются, затем трансформируются определенные внутрдинастические отношения. Устанавливается примогенитура, подтверждаемая избранием народным собранием. Младшие братья пражского князя наделяются другими княжествами. Начинается внутрдинастическая междоусобная борьба (война) за власть в Пражском княжестве. Намечается переход от примогенитуры к власти старейшего в роде, что усложняет генеалогическое древо. Именно этот принцип передачи власти станет характерным для Чехии через определенный исторический период. Гаек лишь отмечает начало этой тенденции.

В Хронике есть несколько антинемецких высказываний, соответствующих патриотической парадигме чешской хронистики.

Хронист четко фиксирует даты рождения и смерти князей и их сыновей, а также важных событий, что придает реальное историческое звучание мифическому (fiction) повествованию.

Несколько раз возникает проблема продолжения и сохранения рода/династии для блага страны, а также ненавязчиво проводится мысль о божественном покровительстве (хотя речь идет о языческих временах) династии Пршемысловцев посредством пророчеств и вещей снов. Претензии представителей других родов и младших Пршемысловцев на пражское княжение считаются нелегитимными, так как они нарушают закон, установленный при избрании князем Пршемысла-пахаря. Поэтому

при наличии у покойного князя двух сыновей, старшего из них, наследника пражского престола, коронуют шапкой Пршемысла.

Гаек переносит многие важные феномены позднейшего времени (строительство Праги, внутренняя сельская колонизация, добыча серебра и др.) в эпоху мифических князей, чтобы повысить статус этих явлений и процессов, самого чешского государства и значение власти Пршемысловцев, показать их укорененность в традиции. Также его целью является объяснение происхождения топонимов через историю, что должно свидетельствовать о древности освоения чехами своей территории. В итоге ландшафт предстает историзированным.

«Чешская хроника» Гаека показывает важность деятельности князей и развития социума языческой эпохи для последующей истории Чехии. В этом и состояла задача автора, с которой он блестяще справился посредством вымысла, местами очень похожего на правду, так как он умело стилизовал манеру повествования своих предшественников, дополняя ее беллетристической красочностью, присущей уже Новому времени. Поэтому «историческая беллетристика» Гаека вошла в традицию чешской культуры, о чем говорят портреты мифических князей, написанные в эпоху Барокко, и некоторое влияние, оказанное Хроникой Гаека на «Старые повести чешские» А. Ирасека (1894), ставшие излюбленным чтением патриотически настроенных чехов первой половины XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Kolár J. Hájková kronika a česká kultura // Václav Hájek z Libočan. Kronika česká: Výbor historického čtení. Praha, 1981. S. 7–24; Beneš Z. Historický text a historická skutečnost. Studie o principech českého humanistického dějepisectví. Praha, 1993. S. 66–76; Лангева Л.П. Письменные источники по истории Чехии периода феодализма. М., 1985. С. 75–79; Мельников Г.П. Сотворение чешского исторического мифа: хроника Вацлава Гаека из Либочан // Историческая память в культуре эпохи Возрождения. М., 2012. С. 280–291.*

² *Václav Hájek z Libočan. Kroniká česká. Praha, 2013.*

³ *Kosmova kronika česká. Praha, 1972. S. 25.*

⁴ *Karbusický V. Báje, mýty, dějiny. Nejstarší české pověsti v kontextu evropské kultury. Praha, 1995. S. 106–156.*

⁵ *Kosmova kronika... S. 26.*

⁶ *Ibid. S. 29.*

⁷ *Ibid. S. 33.*

⁸ *Ibid. S. 34.*

⁹ *Bláhová M. Česká rýmovaná kronika tak řečeného Dalimila // Kronika tak řečeného Dalimila. Praha, 1977. S. 190–199; Лангева Л.П. Письменные источники по истории Чехии периода феодализма. С. 59–62; Мельников Г.П. Чешская общественная мысль XIV в. // Общественная мысль в России и других славянских странах в эпоху развитого средневековья. М., 2014. С. 291–305.*

-
- ¹⁰ Nejstarší česká rýmovaná kronika tak řečeného Dalimila. Praha, 1957. S. 242, 246–247; *Bláhová M.* Op. cit. S. 195.
- ¹¹ Nejstarší česká... S. 41.
- ¹² Ibid. S. 41–42.
- ¹³ Ibid. S. 48–49.
- ¹⁴ *Václav Hájek z Libočan.* Kronika česká. S. 80. Далее ссылки на страницы этого издания приводятся в круглых скобках в основном тексте статьи.
- ¹⁵ *Třeštík D.* Mýty kmene Čechů. Praha, 2008. S. 16, 154.
- ¹⁶ Ibidem.
- ¹⁷ *Мельников Г.П.* Монарх и общество в Чешском государстве XII в. глазами хронистов // Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.). М., 2012. С. 277–327.
- ¹⁸ *Třeštík D.* Mýty... S. 156–158.
- ¹⁹ См. новейшее издание: *Kuthan J., Royt J.* Karel IV. Císař a český král — vizionář a zakladatel. Praha, 2016. S. 99–136. Там же библиография по теме.
- ²⁰ *Kolár J.* Op. cit. S. 9.
- ²¹ *Konečný L.J.* Románská rotunda ve Znojmě. Brno, 2005; *Merhautová A.* Znojemská rotunda a její nástěnné malby // *Moravští Přemyslovci ve znojemské rotundě.* Praha, 2000. S. 51–66.